

---

---

РЕЦЕНЗИИ

---

---

**Н.В. ПЕСТОВА. АВСТРИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ:**  
МОНОГРАФИЯ /УРАЛ. ГОС. ПЕД. УН-Т. ЕКАТЕРИНБУРГ, 2015. 273 с.

**N.V. PESTOVA. AUSTRIAN LITERARY EXPRESSIONISM: A MONOGRAPH.**  
[IN RUSSIAN]. YEKATERINBURG:  
THE URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY PRESS, 2015. 273 p.

Монография известного исследователя литературного экспрессионизма, члена Российского союза германистов, проф. Н.В. Пестовой “Австрийский литературный экспрессионизм” продолжает исследования, начатые в работах “Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести” (1999), “Немецкий литературный экспрессионизм” (2004), “Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм” (2009). Новая работа автора достраивает мозаичную картину мира “экспрессионистского десятилетия” (1910–1920) немецкоязычного региона. Она отвечает потребности современной германистики в национальной спецификации феномена, традиционно считавшегося чисто немецким, и “восстанавливает справедливость” по отношению к недооцененному явлению европейской культуры. В этом контексте Н.В. Пестова подчеркивает, что вклад Австрии в экспрессионизм, как правило, приводился только в примечаниях как некое “эфемерное протестное движение в тени и на периферии немецкого авангарда” (с. 14), и анализирует объективные и субъективные причины возникновения устоявшейся традиции говорить только о немецком или, в лучшем случае, немецкоязычном экспрессионизме. При этом автор не ставит себе задач, сопоставимых с кругом проблем коллективного междисциплинарного труда “Экспрессионизм в Австрии: литература и искусство”<sup>1</sup>, в котором силами интернационального научного сообщества были широко и многогранно представлены различные исследовательские перспективы общей интерпретации эпохи.

В центре внимания исследователя – фрагменты творчества поэтов, прозаиков и художников,

с именами которых ассоциируется австрийский экспрессионизм (Г. Тракль, А. Кубин, О. Кокошка, Ф. Верфель, А. Эренштейн, М. Брод), а также несколько десятков *poetae minores*, которые, как правило, стояли в тени литературоведения и которые позволили рассуждать об австрийском экспрессионизме как о “феномене поколения” (А. Валлас). Совершенно новые или надолго забытые имена “австрийской литературной революции” Н.В. Пестова представляет, анализируя антологии экспрессионистской лирики, начиная с первого собрания венской лирики “Ворота” (“Die Pforte”, 1913) и завершая современной антологией “Мерцание мозговых миров” (“Die Hirnweltenfunkeln”, 1988). В результате автор монографии представляет список из семи десятков имен поэтов и писателей экспрессионистской направленности, среди которых, к сожалению, как и в случае с немецким экспрессионизмом, более половины известны лишь узким специалистам-историкам литературы.

Рассуждения об особом статусе австрийского экспрессионизма на протяжении всей монографии выдержаны в единой исследовательской перспективе: особенности поэтического арсенала австрийских поэтов и прозаиков рассмотрены, с одной стороны, с точки зрения некоторого единства европейского экспрессионистского контекста, а с другой – с точки зрения отражения в них национального своеобразия экспрессионистского мироощущения. Именно таким образом следует понимать эпиграф к монографии: “австрийский экспрессионизм – это отсутствие респекта... на готический лад”, в котором зафиксированы “амбивалентность явления в отношении к традиции, диалектика разрушения и созидания, почитания предшественников и их критического осмысления” (с. 265).

При установлении необходимых для любого типологического исследования сходств и различий

---

<sup>1</sup> Expressionismus in Österreich: die Literatur und die Künste/ hrsg. von K. Amman, A. A. Wallas. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1994.

Н.В. Пестова активно использует результаты своих предыдущих исследований немецкого экспрессионизма. На их фоне особый профиль австрийского экспрессионизма с его бережно сохраняемыми традициями венского модерна вырисовывается особенно ярко. Приверженность этим традициям, как показывает исследователь, удерживает даже самые авангардные устремления молодого поколения в русле эстетического. Именно такая тенденция, по мнению автора, «отличает ранний австрийский экспрессионизм, который в поисках Я отправляется в иные, фантастические и сказочные, миры, от “нового пафоса” раннего берлинского экспрессионизма с его энтузиазмом разрушения старого и центральным мотивом “порыв”, “разрыв” (“Aufbruch”). Безусловный радикализм молодых представителей этого поколения Австро-Венгрии все же не покидает сферу эстетического и даже безумствует на особый “готический лад”» (с. 271).

Размышляя об отличии раннего австрийского экспрессионизма от немецкого, Н.В. Пестова приходит к выводу, что своеобразной австрийской формой индивидуальной интерпретации мира в 1907–1911 гг. становится фантастическое начало. На примере всех анализируемых произведений (поэзия Г. Тракля, роман “Другая сторона” А. Кубина, роман А.П. Гютерсло “Танцующая дура”, стихотворение О. Кокошки “Трезящие юноши”) автор показывает, как на австрийской почве характер фантастического приобретает специфическую национальную конфигурацию: «все ключевые произведения раннего австрийского экспрессионизма эстетически реализованы в концептуальном поле “Traum” (сон/мечта/греза), под знаком которого стоят литература и искусство Вены с 1900 года. Именно концептосфера “Traum” широко открывает двери для вхождения недействительного, воображаемого, желаемого, сокровенного в сферу повседневного опыта, позволяет по-новому упорядочить свои взгляды на мир, инициирует игру с читателем и позволяет сформулировать то, о чем принято молчать» (с. 46).

Как и во всех предыдущих работах Н.В. Пестовой, в этой монографии две стороны филологического исследования – литературоведческая и лингвистическая – гармонично сосуществуют и дополняют друг друга. Лингвист по образованию, автор монографии свободно оперирует методами структурной и когнитивной лингвистики, погружаясь в тайны “устройства текста” от фоники до жанра, пытаясь отыскать и разгадать скрытые эстетические смыслы взаимодействия языковых единиц всех уровней. В таком нетрадиционном для литературоведения и трактатологии ключе решена глава “Георг Тракль – религиозный меч-

татель и фантаст”. Через призму многократных переводов одних и тех же стихотворений поэта на русский язык автор работы пытается добраться до важнейших признаков так называемого “трактатского тона”, которые и сделали его первопроходцем на пути становления собственно экспрессионистской поэтики. Мысль о том, что Г. Тракль был действительно и безусловно первым на пути тех новаторских приемов в поэтике, которые обычно приписывают экспрессионизму, подтверждена конкретным поэтическим материалом. На примере множества стихотворений и их переводов Н.В. Пестова скрупулезно разбирается, как работает “абсолютная метафора” Г. Тракля, создавая его неподражаемые “прогибы бытия” (с. 146). Некоторые из его частотных языковых явлений, которые принято в целом называть “синтетосемией” или “одновременной многозначностью”, автор трактует как “синтаксическую мистификацию” (с. 189) и демонстрирует механизм эстетического воздействия образов, созданных этим особым трактатским приемом.

Значительное место в монографии отведено осмыслению литературного экспрессионизма Австро-Венгрии как блестящего образца синкретичного искусства, получившего в истории искусства определение “Gesamtkunstwerk”. Данный фокус рассмотрения ключевых произведений австрийского экспрессионизма обусловил интердискурсивный, или междисциплинарный, характер исследования, широко используемый в современной зарубежной филологии и культурологии. Объект и материал исследования данной монографии диктует необходимость такого же подхода: центральные фигуры и произведения, подробно обсуждаемые в рецензируемом сочинении, свидетельствуют о том, что культурная сцена Австро-Венгрии этого периода была необычайно богата “двойными” и “тройными” дарованиями – такими, как А.П. Гютерсло, А. Кубин или О. Кокошка. Экскурсы в историю искусства и “рассматривание под микроскопом” живописных и графических полотен Брейгеля, Кранаха, Гойи, Клингера, Редона, Климта, скульптора Минне и других художников обусловлены в работе не только своеобразием общекультурного контекста венского модерна, но и личностно окрашенным любопытством автора к источникам сильнейшего влияния изобразительного искусства на молодых литераторов, “свободно чувствующих себя в разных жанрах искусства, воспитанных в венской ауре на филигранных образцах искусства Сецессиона, Венских мастерских и югендстиля в целом” (с. 271). Н.В. Пестова знакомит читателя с творчеством не известного не только в Рос-

сии, но и в самой Австрии художника Р. Кальваха (Rudolf Kalvach), с которого, наряду с Э. Шиле, Р. Герстлем, О. Кокошкой, начинается собственно австрийский экспрессионизм в живописи и который своей трагической судьбой мог бы послужить спекуляциям на тему “гений и безумие”, столь модную в начале XX века и всегда сопровождающую экспрессионистское искусство.

Полагаем, что читателю главы “Оскар Кокошка – фантазии грезящего юноши” непременно захочется взять в руки маленький шедевр раннего литературного творчества всемирно известного художника – стихотворение “Грезящие юноши” (“Die träumenden Knaben”, 1908) – и убедиться самому, что “в результате практически все изображенное художником после длительного разглядывания оказывается не тем, чем кажется на первый взгляд, а незаметные и незначительные детали каждой отдельной литографии, как элементы сновидения, забегающие вперед, в контексте всего произведения встают на свои места, обретают смысл и складываются в красивый и понятный рисунок” (с. 95).

К числу значимых отличий австрийского экспрессионизма от немецкого Н.В. Пестова относит также многонациональность, или этническую гетерогенность, представителей этого поколения, которая позволяет услышать в его многоголосии “специфические нотки славянской, еврейской, германской тревоги за настоящее и надежды на будущее” (с. 271). Этот тезис подтверждается в монографии анализом антологий и журналов, в которых печатались выходцы из многонациональной Австро-Венгрии, объединявшей земли Зальцбурга, Штирии, Тироля, Богемии, Моравии, Силезии, Буковины, Далмации, Венгрии, Галиции, Словении, Сербии, Боснии, Герцеговины и других областей. Особое внимание уделено так называемой “пражской школе”, именно к ней принадлежал такой поэт, как Ф. Верфель, которому, по мнению Н.В. Пестовой, экспрессионизм обязан поэтической формулировкой самого значимого для всего экспрессионистского поколения мироощущения – “на земле ведь все мы чужеземцы”.

Как и предыдущие работы Н.В. Пестовой, эта может быть использована как справочный материал в вопросах, касающихся издательского дела в Австро-Венгрии данного периода, необычайной активности известных немецких издательств в

публикации и популяризации австрийских авторов экспрессионистской направленности, в отличие от собственно австрийских крупнейших литературных форумов в лице К. Крауса и его журнала “Факел” и Л. фон Фиккера, издававшего в Инсбруке знаменитый журнал “Бреннер”. Тесные культурные и литературные связи Австро-Венгрии и Германии представлены в работе во всем сложном и противоречивом многообразии; к заслугам таких крупных литературных политиков Германии, как Г. Вальден, Ф. Пфемферт, К. Вольф, Н.В. Пестова по праву относит их благосклонность к молодым литературным революционерам Австро-Венгрии.

Завершающий монографию аналитический обзор журнальной полемики Австрии 1910-х – 1920-х гг. выстраивает общую картину художественного становления и программного осмысления австрийского экспрессионизма от первых эстетически новаторских опытов в журнале “Руф” (“Der Ruf”, “Глас”) 1912 г. до важнейших текстов “тайного классика теории экспрессионизма” П. Хатвани<sup>2</sup> начала 1920-х гг. Этим обзором достижений австрийского экспрессионизма Н.В. Пестова окончательно убеждает в том, что “настало время переоценить заслуги и место австрийского экспрессионизма в общеевропейском экспрессионистском контексте” (с. 272). В завершение рецензии можно только вместе с автором монографии присоединиться к пророческим словам О. Кокошки о том, что экспрессионизм, возможно, был шансом духовного перерождения Европы, который не понят еще и сегодня»<sup>3</sup>.

*Т.В. Кудрявцева*

*Доктор филологических наук, ведущий научный  
сотрудник Института мировой  
литературы им. А.М. Горького РАН,  
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а,  
muchina@yandex.ru*

*Tamara V. Kudryavtseva*

*Doctor of Philological Sciences, Leading  
Researcher at the A.M. Gorky Institute of world  
Literature, 25a Povarskaya str.,  
Moscow 121069, Russia,  
muchina@yandex.ru*

<sup>2</sup> Haefs W. “Der Expressionismus ist tot... Es lebe der Expressionismus”: Paul Hatvani als Literaturkritiker und Literaturtheoretiker des Expressionismus // Expressionismus in Österreich. S. 455–456.

<sup>3</sup> Kokoschka O. Mein Leben. Wien: Metroverlag, 2008. S. 114.